Кукольного дома

ские пьесы, и всевозможные "фантазии на тему". К такому подходу располагают природа театра кукол, его лаконизм, условность и метафоричность. Издержки возникают там, где появляется многословие. И потому основной проблемой, выявленной "Рязанскими смотринами", стала проблема драматургии, избираемой театрами кукол.

Кукольники издавна привечали живые и динамичные пьесы, "очеловечивающие" фантастических персонажей. По-прежнему остается в фаворе и кукольная сатира, в незапамятные времена прославившая Петрушку. Хотя обличительный пафос на "злобу дня" нередко вредит сказочной атмосфере. В спектакле Челябинского театра кукол "Живая вода", поставленном Л. Устиновым по старой советской пьесе А. Седова, баба Яга предстала не коварной волшебницей, а сварливой соседкой, богатыри – милиционерами, а живая вода – водицей в поллитровой баночке. Тема пресловутой борьбы добра со злом сохранилась, но гротесковая подача довела ее почти до абсурда. Мальчик Сереня оживет для того, чтобы проказничать и прогуливать уроки (то есть, радовать не маму Марину, а бабу Ягу). Актеры Андрей и Елена Дрыгины и Анатолий Пристай разыграли сказку и лихо, и иронично. Прямолинейную назидательность пьесы искупил стремительный темп постановки. Долгие путешествия мамы Марины за живой водой и обратно укладывались в считанные секунды. Именно за такое время успевал сделать несколько оборотов деревянный круг с елочками-сосеночками (художник Сергей Сачков).

"Очеловечилась" и другая "лесная сказка" Рязанского фестиваля. В "Машеньке и медведе" Архангельского театра кукол (пьеса М. Мельницкой, постановка Д. Лохова) модничают петух и корова, медведь ворчит и постоянно теряет очки, а мышка Пелагея страдает от неразделенной любви. Забавной интерпретации знакомой сказки способствовало и остроумное решение художницы Елены Николаевой, придумавшей лоскутные ели и избушки. А порывистая пластика обаятельных штоковых марионеток постоянно напоминала о том, что вся история происходит понарошку. Хотя актеры то и дело вели органичный диалог с куклами. Чего стоит досада лисы (живой план), не сумевшей всучить Машеньке (кукла) ядовитый мухомор (актрисы Валентина Родькина и Мария Корнеичева). Архангельский спектакль, показанный и на московском фестивале, всерьез претендует на "Золотую маску" за прошлый сезон.

Успех постановки во многом зависит от хорошей драматургии, а неудачная пьеса может погубить интересные режиссерские задумки. Этот избитый тезис подтвердили спектакли хозяев фестиваля. Рязанский театр кукол показал две работы своего художественного руководителя Валерия Шадского – стройную фантастическую притчу "Звезда Рождества" и шебутную импровизацию на тему русских сказок "Колобок + репка".

Монтаж эпизодов из жизни голодающего семейства дедки и бабки казался бесконечным. Пока ускользнувший колобок мотался по лесу, трудяги усердно выращивали репку. Многочисленные повторы растягивали время спектакля (хотя длился он всего час десять). Пробовала сосчитать, сколько раз колобок спел свою песенку, но сбилась со счета. Хоры огородников и гусениц были не менее активны. Но сидящая в зале детвора с каждым куплетом все больше превращалась в настоящих фанатов колобка. Малышей подкупала простота приема – перчаточные куклы разыгрывали сказку на традиционной ширме (художник Наталья Кузнецова).

"Звезда Рождества" (пьеса М.Бартенева и А. Усачева по Ж. Сюпервьелю), в отличие от простейшего "Колобка", совмещала несколько планов. Осел и Бык (актеры В. Коняхин и А. Гаврилюк, играющие в живом плане) следили за чудом, происходящим на их глазах. Повозка превращалась в ширму, выдвигался вертеп с неподвижными фигурками, действие то приближалось к авансцене, то уносилось к сугробам, нарисованным на заднике (художник В. Костарнов). Куклы не иллюстрировали рассказ ведущих, а тактично "подхватывали инициативу". И "настоящие" Бык и Осел обнаруживали всю свою малость по сравнению с кукольными фигурками библейских персонажей (этот спектакль представлял Рязань не только на "Смотринах", но и на образцовском фестивале в Москве).

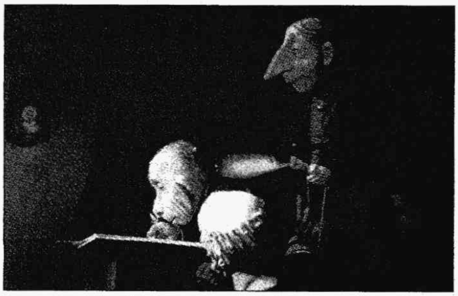
Одним из самых кукольных драматургов неожиданно оказался Уильям Шекспир. Разноплановость действия "Сна в летнюю ночь" получила ясное и логичное воплощение в постановке Гродненского театра кукол (режиссер Олег Жюгжда, художник Лариса Микина). Ремесленников сыграли в живом плане, незадачливых влюбленных изобразили марионетки, обитателей волшебного леса – фантастические фигурки "черного кабинета", афинских правителей – гипсовые статуи. Безупречно выстроенная иерархия и пересечения разных "кукольных пространств" дали немало поводов и для тонких юмористических нюансов, и для откровенного шутовства. Куклы выявили аллегоричность комедии, подчеркнули ее притчевые мотивы.

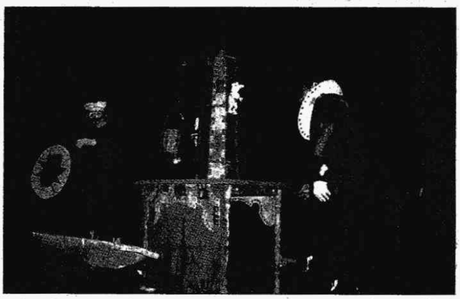
Кукольная фигурка, играющая рядом с актером-человеком, – своеобразное театральное иносказание. К истории, рассказываемой спектаклем, добавляется еще один сюжет. Кукла зависит от кукловода, кукловод – от куклы, герои обретают двойников, пространство расслаивается, мир теряет равновесие. Такие ощущения вызвал спектакль Валерия Вольховского "Шинель" (Воронежский театр кукол "Шут"). Нет, все было сработано достаточно основательно – сцену "обнимала" громадная шинель, из прорех которой опускались то парты департамента, то убогая постелька Акакия Акакиевича, то мастерская Петровича (художник Елена Луценко). Но происходящее представлялось мучительным сном, снившемся маленькому человечку. Акакий Акакиевич, ведомый своим двойником – актером в маске, переживал и стеснялся так, будто осознавал свою временность в грубом мире. Может, потому так смиренно и терпел все издевательства.

Тема отверженности пронзительно прозвучала и в притче мытищинского театра "Огниво", совместной российско-литовской постановке "Лунная собака". Ситуация пьесы Э. Мезгенайте очень похожа на историю несчастного Акакия, только высказана в метафорической форме. Маленького барбосика гонят все и отовсюду – и люди, и вороны, и бездомные псы. И только Лунная собака, сжалившись, забирает к себе на небо. Простая история рассказана и лаконично, и изобретательно. Режиссер А. Маркуцкис смешал кукольный и живой планы, выстроив мизансцены вокруг высокой башни, превращающейся то в карусель, то в городскую свалку, то в дом, населенный злыми монстриками (художник В. Мазурас). Наиболее привлекательно выглядели, конечно же, положительные персонажи – глазастый барбосик и его поэтичная спасительница.

Судьбу барбосика из "Лунной собаки" повторил и поющий поросенок из одноименного спектакля Екатеринбургского театра кукол. Режиссер Андрей Тушканов увел печального пятачка в межпланетные пространства. Действие сказки С. Козлова происходило в трубе, случайно затерявшейся в космосе. Но интригующий сценографический прием художника А. Мелентьева исчерпался очень быстро. Второго "Ежика в тумане" из екатеринбургского "Поющего поросенка" не получилось. Хотя опус Тушканова вполне мог бы стать шедевром, если бы длился не час, а десять минут, как мультфильм. Так серьезно и грустно детские сказки играются довольно редко. Зато наиболее популярным жанром "Рязанских смотрин" стали капустники. Лихие и острые "потешки" Псковского театра кукол "Петрушка и колобок" и "Петрушка и Гитлер" (режиссер А. Заболотный, художник С. Тараканов) и сложносоставная композиция Александра Борока "История болезни" (Челябинский театр кукол).

"История болезни" – история актерства – перебирает известные пьесы, так или иначе затрагивающие тему театра и зарисовки закулисной жизни. Счастливцев встречается с Заречной, актеры Гамлета – с Буратино, Пьеро с Мальвиной. Театральные идеалы смешиваются с актерскими предрассудками. На протяжении всего спектакля на сцене возводят вторую сцену (а также третью, четвертую, пятую). Собирают простые подмостки, ломают, строят снова, усложняют, навешивают систему занавесов и выпускают толпу марионеток (художник – М. Итенберг). На этот раз с куклами обошлись несправедливо. Люди забрали себе все главные роли, сыграв их смешно и остроумно (Алла Антипова и Валентина Ширяева, Андрей Дрыгин и Александр Борок). А марионеток задвинули в массовку. "История болезни" разворачивает путаный поток сознания, эпизоды похожи на детальки кубика Рубика. Как ни поверни – все равно что-нибудь получится. Но актерские сценки, как бы блестяще они ни игрались, не обходятся без кукол. Рубят вишневый сад, в луче прожектора возникает Петрушка с косой, переодевшийся Фирсом, история болезни того гляди вернется к своему началу. Ведь у нее может быть такое же бесконечное продолжение, как и спор актера и куклы. Кто кого переиграет? На "Рязанских смотринах" пока стабильная ничья.





● Индийские марионетки штата Раджастан
● "Три мушкетера". Бельгийский театр Тоопа
Фото В.ЛУПОВСКОГО

● Сцена из спектакля "Шинель". Воронежский театр кукол "Шут"
● Сцена из спектакля "Лунная собака". Театр "Огниво", Мытищи
Фотографии предоставлены фестивалем "Рязанские смотрины"

Валерий Шадский, художественный руководитель фестиваля "Рязанские смотрины":

– У нашего фестиваля нет ограничений, мы стремимся представлять зрителям театры, разные по форме, разнообразные кукольные системы. Это и теневой театр, и марионетки, и планшетные, и петрушки, и человек с куклой, и спектакли, приближающиеся к драматическому театру, в котором кукла еле мелькнет, и традиционные постановки. Конечно, случаются и провалы, есть они и в этом году. Но я считаю, что это фестивальная закономерность. Как говорил Воланд – "Что бы делал свет, если бы из мира исчезли все тени?"

На нынешних "Смотринах" меньше режиссерских открытий, но очень много интересных художников. Я опасался за саратовский спектакль, этот театр приехал к нам первый раз. "Новый Пиноккио" – постановка спорная. Но работа художника Юрия Юрасова мне показалась очень интересной. Я люблю спектакли Валерия Вольховского, очень понравилась его "Шинель". Удивительное сочетание пластики куклы и живого человека, которые выступают то как единое целое, то вступают в диалог. Такой прием мне очень импонирует. Я люблю, когда человек рядом с куклой подчеркивает, что кукла – не абсолютно живое существо, хотя и соотносится с человеком по всем параметрам – и по масштабным, и по философским. И на столкновении человека и куклы возникают самые интересные моменты.

Валерий Вольховский, художественный руководитель Воронежского театра кукол "Шут", президент Российского национального центра УНИМА:

– У нас в Воронеже тоже проводились фестивали театров кукол. Правда, прошло всего два, на третий не хватило средств. Мы рады, что Рязанский фестиваль сохранился. Здорово, что он проходит уже восьмой раз. Министерство культуры помогает "Рязанским смотринам", Москва их ценит, директор театра Аскар Тагер получил орден Дружбы народов за организацию пятого фестиваля. "Смотрины" – это и школа, и встреча со старыми друзьями. А что касается уровня спектаклей, то на доске пожеланий я написал польскую фразку – "Одни из нас пусть лучше ставят, другие пусть лучше не ставят". Мне понравилась "История болезни" актерски. Я долгое время работал в Челябинском театре, это мои актеры, и я вижу, как они выросли, раскрепостились. Я считаю, что эта труппа сегодня самая сильная в России.

Думаю, что искусство театра кукол будет дробиться на разные течения, потому что сегодня нет той единой школы, которая была на Урале. Помню те фестивали, обсуждения до хрипоты. Режиссеры, педагоги кричали с кафедры – "Куда вы ведете нас?" Но иногда говорили – "Да пойдешь, куда пойдешь, туда и пойдешь". Каждый спектакль был пусть маленьким, но направлением. Думаю, что в будущем театр кукол ожидает возврат к тому, что начинал делать Урал. К интеллектуальному театру, к театру опасному. К такому, который сердце будоражит и заставляет человека меняться.